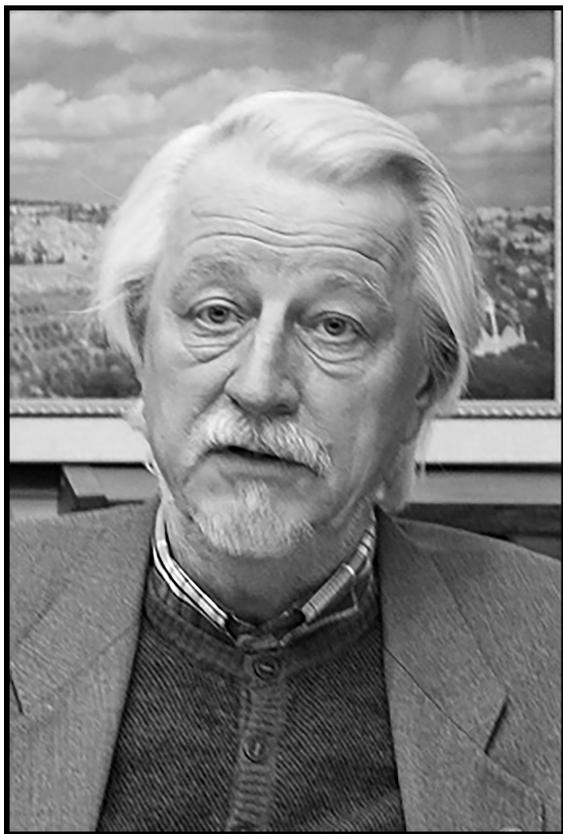

ПАМЯТИ А. В. НАЗАРЕНКО
(16 января 1948 – 19 января 2022)

19 января 2022 г. ушел из жизни Александр Васильевич Назаренко. С этим сложно смириться. Свыкнуться с мыслью, что его больше нет.

Это огромная потеря для нашей науки и для нашего журнала. Он был не просто членом редколлегии «Древней Руси», он был, можно сказать, идеологом его основного методологического направления – междисциплинарного подхода в изучении Древней Руси.

Трудно представить себе какого-либо ученого, после ухода которого не была бы столь очевидна ложность (и даже лживость) так часто повторявшейся в былые времена максимы о том, что «незаменимых у нас нет». Александра Васильевича Назаренко заменить невозможно. Он был уникален в нашем академическом сообществе и как человек, и как ученый. Если говорить о первом, то – что греха таить – даже со многими видными специалистами, изучающими вполне профессионально те или иные конкретные исторические сюжеты, не так интересно говорить о чем-либо, выходящем за круг их непосредственных занятий. Александр Васильевич в этом отношении резко выделялся. Он обладал поистине энциклопедическими познаниями в самых разных сферах науки и культуры. Любой разговор с ним всегда был необыкновенно интересным и давал пищу для размышлений, начиная с теории относительности Эйнштейна и кончая

вкусовыми особенностями франконского вина. Тут надо сказать, что такой широте познаний способствовало то, что биография Александра Васильевича была весьма насыщенной: он учился в физико-математической школе, служил в Группе советских войск в Германии, потом учился на романо-германском отделении филологического факультета МГУ, много раз бывал в Германии и стажировался там в течение длительного времени, отлично знал, понимал и любил эту страну. У Александра Васильевича были свои, выстраданные, убеждения, которых он последовательно придерживался. Не всегда и не со всем можно было соглашаться, но никогда какие-то расхождения во взглядах не влияли на личные и академические отношения. Александра Васильевича можно назвать по-настоящему (а не по форме) интеллигентным и, я бы сказал, широким человеком.

Научные заслуги Александра Васильевича огромны. О них уже сказано и будет сказано многое. Мне бы хотелось остановиться на следующем.

А. В. Назаренко – будучи филологом по образованию и историком по призванию – всегда подчеркивал необходимость историко-филологического синтеза. Точнее, возвращения к тому,

что уже было в российской науке до 1917 г. и с тех пор оказалось в значительной степени забытым. Неоднократно приходилось быть свидетелем того, как под мягкой, очень корректной, но всегда доказательной филологической критикой Александра Васильевича рассыпались различные далеко идущие предположения, противоречащие прямому смыслу текста, будь то древнерусского или латинского. А сам Александр Васильевич создал целый ряд первоклассных трудов, основанных именно на комплексном историко-филологическом подходе. И конечно, совсем не случайно, что он с энтузиазмом и с большим удовольствием участвовал до последних дней в работе редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», где именно этот подход поставлен во главу угла.

Александр Васильевич вошел еще в советскую науку, в 1970-е гг., став сотрудником сектора древнейших государств Института всеобщей истории Академии наук (между прочим, он всю жизнь хранил благодарность своему учителю и руководителю В. Т. Пашуто – несмотря на то, что они были во многом разными людьми, с разными взглядами и ценностями). И уже первые его работы, посвященные взаимодействию Древней Руси и средневековой Западной Европы, очень выделялись на общем фоне. Обращало на себя внимание, прежде всего, прекрасное знание европейских новых и древних языков (особенно, конечно, немецкого и латыни) и глубокое знакомство с многоязычной историографией этого периода. Источниковедческие и историографические примечания к его статьям и монографиям иногда представляют собой отдельные исследовательские этюды. Еще один принцип, который неоднократно декларировал (и старался строго соблюдать в своих работах) Александр Васильевич, – «источниковедения много не бывает». В качестве примера можно привести его исследование «Баварского географа» – небольшого латинского текста IX в., который А. В. Назаренко изучил словно бы под микроскопом, начиная с рукописного текста и его палеографических особенностей и кончая анализом всех противоречивых интерпретаций упомянутых там этнических общностей. В результате ученый дал исчерпывающую и в то же время корректную и осторожную характеристику данных этого сложнейшего памятника. Между прочим, в этой осторожности и корректности – тоже один из принципов работы Александра Васильевича как исследователя (тут вспоминается, в частности, его скептическое отношение к попыткам построить на упомянутой в «Баварском географе» лексеме *Ruzzi* концепции глобального характера).

Как и многие ярко одаренные люди, Александр Васильевич был, несомненно, человеком сильным, но ранимым. Для него было важно признание (хотя он никогда этого прямо не показывал). Очень радостно, что мне удалось сказать ему незадолго до его кончины какие-то важные – для меня, прежде всего, – слова.

П. В. Лукин

Мы долго переносили нашу встречу. Проходили месяцы, даже годы. Мешали всякие «неотложные дела», какие-то обязательства, потом пандемия. Но вот она стала отступать, я посчитал, что время пришло, и в декабре 2021 г. позвонил. Говорили недолго, Александр Васильевич объяснил свои обстоятельства. И я понял, что опоздал, навсегда. 19 января пришло горькое известие. Ожидаемое, но от этого не менее гнетущее. Что-то оборвалось, в нашей науке, во всем нашем историческом знании.

Александр Васильевич Назаренко – явление необычное, уникальное. Легкий, обаятельный в общении, живо откликающийся на духовные запросы современности и даже на «злобу дня», он в то же время в своих трудах представал носителем какого-то другого, высшего

знания, продолжателем почти, казалось бы, угасшей великой традиции российской учености, олицетворяемой – и эти имена он сам указывал – В. Г. Васильевским, А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым; к их перечню нужно было бы добавить С. И. Соболевского, А. Н. Веселовского, А. И. Малеина и, конечно, А. Ф. Лосева. Речь идет не просто о широкой, разносторонней образованности, но о восстановлении «историко-филологического единства, некогда составлявшего одно из главных достоинств отечественной науки»¹. Мастерское использование приемов историко-филологического анализа текстов источников характерно и для работ Александра Васильевича, это дало ему возможность прийти к интересным и подчас неожиданным выводам, позволяющим по-новому взглянуть на многие эпизоды ранней русской истории. Впрочем, не только русской. Сам он не раз сокрушался о нетерпимом, «досадном отрыве науки о русском средневековье от европейской медиевистики (включая византинистику)»². Теперь, после сделанного и опубликованного Александром Васильевичем, о подобном «отрыве» говорить уже нельзя. Обращение к европейскому материалу дало ему возможность сделать такие наблюдения, которые заставляют серьезно уточнить целый ряд краеугольных для понимания отечественной истории моментов. Упомяну лишь о предпринятом Александром Васильевичем исследовании «пути из немец в хазары» IX–X вв., заставившем серьезно нюансировать картину становления восточнославянской государственности. Ибо, как замечал Александр Васильевич, «в IX–X вв. два направления... для формировавшегося Древнерусского государства приобрели особое значение – коммуникации, связывавшие Балтику с арабским Востоком и Византией (по волжскому и волго-донскому путям, а также по “пути из варяг в греки”), и менее изученные коммуникации по суше между Западной и Центральной Европой, с одной стороны, и Хазарией и тем же арабским Востоком – с другой. Именно на этот коммуникационный “костяк” в течение IX–X вв. выросла “плоть” Древнерусского государства...»³. Опираясь на это наблюдение Александра Васильевича, можно было бы добавить, что перекресток именно этих двух важнейших путей Восточной Европы и стал историческим центром, вокруг которого сложилось Древнерусское государство. Все разработки и наблюдения Александра Васильевича, к сожалению, пока еще не стали общим местом работ по ранней русской истории. А жаль. Сам Александр Васильевич не занимался их популяризацией. Почему? Возможно, на это просто не доставало времени: сделанное уже не так интересовало, манили другие, новые темы и проблемы отечественной истории, и вполне понятно желание ученого их исследовать.

Однако популяризация нужна, особенно когда новое знание имеет фундаментальный характер. И очень хотелось, чтобы Александр Васильевич создал обобщающий важнейшие его достижения и открытия труд. Этому и должна была быть посвящена наша несостоявшаяся беседа.

Тем не менее убежден, что разработки и наблюдения Александра Васильевича получат широкий отклик в нашей науке, войдут в учебники. Чем быстрее, тем лучше. Для нас. И это будет доброй памятью великому труженику и подвижнику.

О. Ф. Кудрявцев

¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 110.

² Там же.

³ Там же. С. 114 (очерк: «Русь на “пути из немец в хазары” (IX–X века)»).

Вспоминая Александра Васильевича Назаренко, блестящего ученого историка, филолога, выдающегося источниковеда, хочется вспомнить еще один дар его талантливой натуры – поэтический.

Мы познакомились с А.В. в 1991 г. в доме нашего друга и коллеги Татьяны Николаевны Джаксон. В том же году в августе проходил XVIII Конгресс византинистов в Москве, на котором мы снова встретились с Александром Васильевичем и общались уже более тесно. Но как поэта я узнала его впервые в Ливане в 1997 г., когда мы вместе участвовали в международном симпозиуме «Россия и православный Восток», организованном Императорским Православным Палестинским Обществом. Симпозиум проходил на окраине Бейрута в университете им. Иоанна Богослова в монастыре на горе Баламанд. Вокруг только холмы, деревья и синее Средиземное море вдали. Вместе с арабскими докладчиками нас было не более 20 участников. Стоял октябрь. Каждый день 4 доклада читались по-восточному неторопливо, с утра до вечера, сначала по-русски, потом те же самые доклады по-арабски с часовыми перерывами на кофе с кальяном и двухчасовыми перерывами на обильный обед, после которого снова кофе и кальян. А вечерами на балконе небольшой гостиницы мы сидели маленькой компанией, потягивая ливанское вино, и вели разговоры с бесконечными стихами, чужими и своими. Но тогда А.В. не читал своих стихов. А в последний вечер нашего пребывания в Баламанде, на приеме, кажется, у ректора университета, в его огромном доме с террасами, уставленными цветущими растениями, все разбрелись по широким залам с восточными узкими диванами. И тут А.В. неожиданно прочитал мне стихотворение, которое я не знала. На мой вопрос А.В. ответил: «А ты и не можешь его знать, потому что это я сам написал». С той поры он стал присылать мне подборки своих стихов и дарить их при наших встречах в Москве. Набралась целая папка. Почти все эти стихи, кроме, может быть, самых ранних, вошли в его недавнюю единственную книжку «И исшед вон плакася горько...», которую он подарил мне, как и многим, с дружеской надписью. А.В. даже позвал меня в Москву выступить на его вечере в Доме кино с презентацией этой поэтической книжки.

В детстве и юности многие пишут стихи, чаще всего «на случай». Стихи Александра Васильевича Назаренко к таким никак не относятся. Он поэт серьезный, хотя и в его стихах есть ирония и иногда даже шутка. Поэт-историк, поэт-филолог, поэт-философ и поэт-богослов, особенно в последние годы жизни. Стихи он писал всегда, нередко возвращаясь к старым строчкам, внося их в новое стихотворение, считая, что его стихи длятся во времени, живут своей жизнью. Каждый читатель заметит и отсутствие знаков препинания в стихотворениях А.В. И это сознательная его позиция. Впрочем, поэтическое творчество Александра Васильевича достойно отдельного серьезного разговора, потому что это подлинная поэзия со своими темами, мотивами, образной системой, своим языком, а главное – со своей интонацией, которую ни с чем не спутать. Один из главных мотивов его поэзии – это мотив пути, роднящий ранние стихи А.В., например, с А. Блоком. Но и мотивы «несказанного», которое важнее сказанного, несбывшегося, которое важнее сбывшегося, мотив невозможного, случайного, мотив дома и бездомности, Времени как Вечности – основной «сюжет» поэзии А.В. Его мир – это мир написанного и произнесенного Слова, которое было от Бога и которое объединяет Античность, европейское Средневековье, Древнюю Русь, Святую Землю, Ветхий и Новый Завет. Особое место в стихах А.В. занимает евангельская тема, воспринятая очень лично. Многие стихотворения А.В. имеют эпиграфы, кроме русского, на латинском и немецком языках. Поэтому закономерен интерес А.В. к поэтическим переводам и переложениям из Рильке, Гельдерлина, Айхендорфа, к которым лежала душа филолога-германиста и которыми он занимался особенно усердно в последние годы жизни. Наиболее точно А.В. сказал о себе сам:

«Псалтырь под образом, Гораций под рукой, здесь все мое, здесь жил я сотни лет». Последние подаренные мне стихи А.В. в конце 2019 года – это философские «Сцены из Фауста», стихотворение «На бессонницу» (нечто вроде народного заговора) и проза – «Дурак, или Оправдание Галилеева» с пометой, что я буду первым ее читателем. Не знаю, насколько это так. Осознать и оценить эти вещи нам всем еще предстоит.

А.В. был одним из тех людей, с которым ведешь постоянный душевный, духовный разговор, при том, что мы жили в разных городах и встречались не более двух-трех раз в год. В последние же два года оставалась только электронная переписка. При всей его внешней строгости и сдержанности А.В. для друзей был человеком открытым. Он мог простодушно признаться, что чего-то не знает или не любит. Меня удивляло, например, что он не любил театр, в живописи ценил пейзажи, говорил, что предпочитает картины «без людей». Об этом был наш последний разговор в Москве в начале марта 2020 года. Выглядел он тогда неважно, и чувствовалось, что обычная суетная жизнь тяготит его. Но, как человек верующий, он не впал в отчаяние, потому что давно все про себя знал. Я думаю, что с годами, когда утихнет первая боль общей утраты, мы еще многое откроем в нашем прекрасном друге Александре Васильевиче Назаренко.

М. В. Рождественская

